

Трилогия

Автор:

Юн Фоссе

Трилогия

Юн Фоссе

Loft. Современный роман

Юн Фоссе – известный норвежский писатель и драматург. Автор множества пьес и романов, а кроме того, стихов, детских книг и эссе. Несколько лет назад Фоссе заявил, что отныне будет заниматься только прозой, и его «Трилогия» сразу получила Премию Совета северных стран. А второй романный цикл, «Септология», попал в лонг-лист Букеровской премии 2020 года.

«Фоссе говорит о страстях и смерти, и он ищет в них вневременной смысл, поэтому пишет отрешенно и сочувственно одновременно, а это редкое умение».
– Ольга Дробот

Асле и Алида поздней осенью в сумерках скитаются по улицам Бьергвина в поисках ночлега. Но нигде не рады невенчанным влюбленным, у которых вот-вот родится дитя. Фьорд серебрится в темноте, идет дождь, ребенок толкается у Алиды в животе. Они так устали и так замерзли. В этом мире они не нужны никому кроме, друг друга. И судьба ведет их опасными тропами.

Невероятно глубокая и поэтичная трилогия-притча о любви, преступлении, музыке и смерти.

Юн Фоссе

Трилогия

Jon Fosse

Trilogien

© Jon Fosse

© Федорова Н., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Без сна

I

Асле и Алида брели по улицам Бьёргвина, Асле нес на плече два узла со всеми их пожитками, а в руке – футляр со скрипкой, что досталась ему в наследство от отца, от Сигвалда, Алида несла две сетки с провизией, уже несколько часов бродили они по Бьёргвину, искали пристанище, однако нигде устроиться не могли, всюду слышали одно и то же: нет, мы, к сожалению, ничего не сдаем, так им говорили, нет, все, что было, уже сдано, вот и продолжали Асле с Алидой ходить по улицам, стучать в двери и спрашивать, не сдастся ли комната, но ни в одном из домов комнаты не сдавались, так куда же им деваться, где укрыться от холода и мрака поздней осени, где-нибудь они, наверно, сумеют-таки найти прибежище, хорошо хоть дождя нет, но скоро, поди, начнется, да и не могут они все время этак вот бродить, и отчего люди не хотят дать им приют, может,

оттого, что видят, Алида-то на сносях, со дня на день родит, это ведь сразу видать, или, может, оттого, что не венчаны они и, стало быть, по-настоящему нельзя их считать мужем и женой да и порядочными людьми тоже, но разве такое с виду заметно, нет, вряд ли, хотя, может, все-таки заметно, ведь должна же быть причина, чтобы отказывать им в приюте, и не венчаны Асле с Алидой не оттого, что не хотели пожениться, не хотели, чтобы священник их повенчал, но как сыскать время и возможность для этого, им ведь не больше семнадцати, и, понятно, нет у них того, что потребно для свадьбы, а вот как только будет, они чин чином поженятся, со священником, и поваром, и свадебным застольем, и музыкантом, и всем, что положено, ну а до тех пор пусть все остается как есть, да, как есть, в общем-то оно и хорошо, но отчего же никто не хочет дать им пристанище, что с ними не так, может, лучше бы им думать, будто они повенчаны, муж и жена, ведь коли бы они сами этак думали, то и другим наверняка было бы труднее заметить, что живут они во грехе, а теперь вот куда ни стучались, кого ни спрашивали, не найдется ли для них пристанища, никто не желал их приютить, но им не вмоготу уже идти дальше, смеркается, на дворе поздняя осень, темень, холод, а вскорости, поди, сызнова дождь начнется

Я так устала, говорит Алида

и они останавливаются, и Асле смотрит на Алиду и не знает, что сказать в утешение, они ведь уже столько раз утешались разговором о будущем ребенке, будет ли это девочка или мальчик, вот о чем они толковали, и Алида считала, что с девочками легче, а он считал наоборот, что легче с мальчиками, хотя девочка ли, мальчик ли – все равно они будут рады и благодарны за ребенка, родителями которого вскорости станут, так они говорили, утешаясь мыслями о ребенке, что вот-вот родится. Так и шли Асле с Алидой по улицам Бьёргвина. И до сих пор не больно-то огорчались, что никто не хочет их приютить, в конце концов все как-нибудь уладится, найдется кто-нибудь, у кого есть каморка, где они смогут немного пожить, все непременно уладится, ведь вон сколько в Бьёргвине домов, маленьких и больших, не как на Дюльгье, где всего-навсего несколько усадеб да несколько рыбацких домишек на берегу, она, Алида, была дочкой мамы Хердис из Пустоши, так они говорили, из маленького двора на Дюльгье, там и росла при мамаше Хердис вместе с сестрой Улиной, папаша-то Аслак уехал и не вернулся, Алиде тогда было три, а ее сестре Улине пять лет, и Алида даже толком не помнила отца, только голос, до сих пор слышала его, слышала этот ласковый, проникновенный голос, чистый, звонкий, веселый, но это было и все, что осталось ей от папаши Аслака, ведь она не помнила ни как он выглядел, ни другого чего не помнила, только голос, когда он пел, вот и все, что она хранила в памяти от Аслака. А он, Асле, вырос на Дюльгье, в лодочном сарае,

где на чердаке устроили вроде как жилье, там он и жил вместе с матерью Сильей и отцом Сигвалдом, до тех пор, пока папаша Сигвалд однажды в нежданный осенний шторм не сгинул в открытом море, он рыбачил к западу, за островами, и лодка затонула мористее островов, за Большим Камнем. Вот так мамаша Силья и Асле остались в Сарае одни. Но вскоре после того как папаша Сигвалд сгинул, мамаша Силья стала хворать, исхудала, так исхудала, что кости прямо сквозь лицо просвечивали, большие голубые глаза становились все больше и больше, под конец чуть не все лицо заполонили, так казалось Асле, а длинные каштановые волосы ее поредели, истончились, и однажды, когда она утром не встала, Асле нашел ее в кровати мертвой. Мамаша Силья лежала с открытыми глазами, большими голубыми глазами, и смотрела туда, где раньше лежал папаша Сигвалд. Тонкие каштановые волосы закрывали почти все лицо. Мамаша Силья лежала мертвая. Случилось это год назад, когда Асле было шестнадцать. И остался он один-одинешенек, со скудным скарбом в Сарае да отцовской скрипкой. Один остался Асле, один как перст, если б не Алида. И когда увидел мамашу Силью мертвой, совершенно мертвой и бесконечно далекой, подумал он об Алиде. О длинных черных ее волосах, о черных ее глазах. О своей Алиде. У него ведь была Алида. Теперь она стала единственным, что у него осталось. Единственным, о чем он думал. Асле поднес руку к холодной белой щеке мамы Сильи, провел по ней пальцами. Теперь у него больше никого нет, только Алида. Так он подумал. Да еще скрипка. Про нее он тоже подумал. Ведь папаша Сигвалд не только рыбачил, он был вдобавок изрядным музыкантом, много лет играл на каждой свадьбе по всему Внешнему Сигне, и когда случалось устраивать танцы, летними вечерами, опять же играл папаша Сигвалд. В свое время сам он тоже пришел на Дюльгю с востока играть на свадьбе крестьянина, хозяина Лейте, там и повстречал мамашу Сигне, она была в усадьбе работницей и прислуживала на свадебном застолье, а папаша Сигвалд играл. Так вот оба и познакомились. И мамаша Силья затяжелела. И родила Асле. А папаша Сигвалд, чтобы прокормить себя и семью, нанялся к одному из рыбаков с морских островов, рыбак этот жил на Большом Камне и в счет платы за труды позволил Сигвалду и Силье поселиться в лодочном сарае, которым владел на Дюльгье. Вот так музыкант Сигвалд стал еще и рыбаком и поселился в дюльгьинском Сарае. Вот так оно было. Так оно шло. А теперь ни папаша Сигвалда нет, ни мамы Сильи. И вовек не будет. Асле же с Алидой бродили по улицам Бьёргвина, и весь их скарб Асле нес на плече в двух узлах, а в руке нес футляр со скрипкой папаша Сигвалда. Темень кругом да холод. Алида и Асле стучались во множество дверей и просили приюта, а в ответ слышали только отказ, нет у них приюта, все комнаты, какие можно сдать, уже сданы, нет, не сдаются здесь ничего, незачем это, вот так им отвечали, и Асле с Алидой идут дальше, останавливаются, опять смотрят на какой-нибудь дом, вдруг там

найдется угол, но коли отважатся постучать и в эту дверь, то, поди, сызнова услышат все то же «нет», все то же, только ведь все время этак бродить по улицам тоже нельзя, значит, поневоле придется постучать и спросить, не найдется ли какой каморки, но ни Асле, ни Алиде не по сердцу сызнова излагать свою просьбу и сызнова слышать отказ, мол, в доме и без того полно народу, и прочее в таком же духе; видать, ошиблись они, когда со всем своим скарбом отправились на лодке в Бьёргвин, да только что им было делать – остаться в доме мамы Хердис в Пустоши, так ведь она не хотела, чтоб они жили у нее, и какое там будущее, ну а если б можно было остаться в Сарае, они бы остались, но однажды Асле заметил лодку под парусом, что шла к Сараю, незнакомый парень, примерно в его годах, подплыл ближе, убрал парус, причалил к берегу пониже Сарая и направился к дому, а немного погодя постучал в откидную дверь, когда же Асле отворил, он вошел, прочистил горло и сказал, что теперь он здесь хозяин, отец-то его сгинул в море вместе с отцом Асле, и Сарай надобен ему самому, Асле с Алидой, понятно, жить здесь больше не могут, пускай, стало быть, собирают вещички и ищут себе другое пристанище, так-то вот, сказал он, подошел к кровати и сел подле Алиды, которая сидела там со своим большим животом, и она встала, отошла к Асле, а парень улегся на кровать, потянулся и сказал, что притомился и хочет маленько отдохнуть, так он сказал, Асле посмотрел на Алиду, и оба они прошли к откидной двери, подняли ее. Потом спустились вниз, вышли наружу и стали возле Сарая. Алида с большим тяжелым животом и Асле

Ну вот, жить нам теперь негде, сказала

Алида

и Асле не ответил

Но ведь это его дом, ничего не поделаешь, сказал Асле

Нам негде жить, сказала Алида

Поздняя осень на дворе, темень да холод, и нам нужна крыша над головой, сказала она

и они еще постояли, не говоря ни слова

Мне ведь вскорости родить, со дня на день, говорит она

Да, говорит Асле

А деваться нам некуда, говорит Алида

Потом она садится у стены дома на лавку, которую сколотил еще папаша Сигвалд

Надо было убить его, говорит Асле

Не говори так, говорит Алида

и Асле подходит, садится на лавку рядом с

Алидой

Убью я его, говорит Асле

Нет-нет, говорит Алида

Просто этак устроено: одни владеют, а другие нет, говорит она

И те, кто владеет, правят теми, кто не владеет, нами, стало быть, говорит она

Пожалуй что так, говорит Асле

И так должно быть, говорит Алида

Пожалуй, говорит Асле

и Алида с Асле сидят на лавке, не говоря ни слова, а спустя некоторое время тот, что владеет Сараем, выходит из дома, говорит, что пора им собирать свое добро, отныне жить здесь будет он, хозяин, и до них ему дела нет, по крайней мере до Асле, Алида же, говорит он, Алида, напротив, может покамест остаться, в ее-то положении, говорит он, через несколько часов он вернется, и к тому времени их,

по крайней мере Асле, здесь быть не должно, говорит он и спускается к лодке, а отвязывая ее, добавляет, что съездит к торговцу, а когда вернется, в Сарай должно быть пусто и чисто, нынче он сам здесь заночует, ну, может, и Алида тоже, коли захочет, говорит он, отталкивается от причала, поднимает парус и направляет лодку на север вдоль берега

Я могу собрать вещи, говорит Асле

Я тебе пособлю, говорит Алида

Нет, ступай-ка ты домой, в Пустошь, к мамаше Хердис, говорит Асле

Может, сегодня там и заночуем, говорит он

Может, говорит Алида

она встает и Асле видит, как она идет прочь по берегу, видит коротковатые ноги, круглые бедра, густые длинные черные волосы, волной падающие на спину, Асле сидит и провожает Алиду взглядом, она оборачивается, смотрит на него, вскидывает руку и машет, а потом начинает подниматься в гору, к Пустоши, Асле же идет в Сарай, собирает все их пожитки в два узла, выходит наружу и тоже идет прочь по берегу, с двумя узлами через плечо и скрипичным футляром в руке, а глянув на море, видит, что хозяин Сарая ворочается на своей лодке, и Асле шагает в гору к Пустоши и все свое имущество несет на плече в двух узлах, в руке только футляр со скрипкой, а немного погодя видит Алиду, она идет ему навстречу, говорит, что у мамыши Хердис им жить нельзя, ведь мамаша Хердис, пожалуй, никогда особо не любила ее, родную-то дочь, всегда куда больше любила ее сестру Улину, а ей всегда было невдомек, отчего так вышло, потому она и не хочет сейчас туда идти, живот-то у нее вон какой большой и вообще, говорит она, Асле же говорит, что время уже позднее, скоро стемнеет, а ночью холодно, в конце-то осени, вдобавок того и гляди дождь пойдет, так что придется им все-таки смириться и спросить, нельзя ли немного пожить у мамыши Хердис в Пустоши, говорит он, и Алида отвечает, что он, конечно, может спросить, но сама она спрашивать не станет, лучше заночует где ни попадя, говорит она; что ж, говорит Асле, раз он может спросить, то и спросит, а когда они дошли до Пустоши и заходят в сени, Асле говорит, так, мол, и так, хозяин Сарая решил теперь самолично там жить, и им некуда деваться, может, мамаша Хердис приютит их на время, говорит Асле, а мамаша Хердис

отвечает, коли так, делать нечего, пустит она их пожить здесь, только ненадолго, говорит она и добавляет, ладно уж, заходите, потом поднимается по лестнице, и Асле с Алидой идут следом, мамаша Хердис поднимается на чердак и говорит, что они могут пожить здесь, но не очень долго, потом отворачивается, уходит вниз, и Асле сбрасывает на пол узлы со всеми их пожитками, ставит в угол футляр со скрипкой, а Алида говорит, что мамаша Хердис все ж таки никогда ее не любила, никогда-никогда не любила, а ей всегда было невдомек, отчего мамаша Хердис не любила ее, да и Асле был мамаше Хердис не больно-то по сердцу, не любила она его, просто-напросто не любила, по правде говоря, так уж оно вышло, и теперь, когда Алида ждала ребенка и они с Асле не были женаты, мамаша Хердис и вовсе не потерпит в доме этакий стыд и срам, так она, поди, думала, мамаша-то Хердис, хоть и не говорила вслух, сказала Алида, стало быть, здесь им можно остаться на эту ночь, на одну-единственную ночь, сказала Алида, и тогда Асле сказал, что, коли так, выход у них только один: отправиться утром в Бьёргвин, там для них наверняка найдется пристанище, однажды он там побывал, в Бьёргвине, сказал он, побывал вместе с папашей Сигвалдом и хорошо все запомнил, улицы, дома, народ, звуки и запахи, уйма торговых лавок, товары в лавках – все это так ярко отпечталось в памяти, сказал он, а когда Алида спросила, как же они доберутся до Бьёргвина, Асле отвечал, что им надобно сыскать лодку и отправиться туда под парусом

Сыскать лодку, сказала Алида

Да, сказал Асле

Какую лодку, говорит Алида

Возле Сарая причалена лодка, сказал Асле

Так ведь эта лодка... – сказала Алида

и увидела, как Асле встал и вышел вон, тогда Алида легла на чердачную кровать, вытянулась, закрыла глаза, она так устала, так устала, и вот она видит, как папаша Сигвалд сидит со своей скрипкой, достает бутылку и отпивает добрый глоток, потом она видит Асле, черные глаза, черные волосы, она аж вздрогнула, ведь он, ее парень, здесь, и вот она видит, как папаша Сигвалд делает Асле знак и тот идет к своему отцу, садится, зажимает скрипку под

подбородком и начинает играть, и тотчас в ней что-то отозвалось, подняло ее ввысь, она взлетала все выше и в его игре слышала песню Аслака, своего отца, а еще она слышит собственную жизнь и собственное будущее и знает это, знает, что знает, и вот она уже в собственном будущем, и все открыто, и все тяжело, но песня не умолкает, и, наверно, эту песню и зовут любовью, и Алида уже вся в песне и звуках скрипки, и не хочет она попасть в другое место, но тут входит мамаша Хердис и спрашивает, чем Алида занята, ведь давным-давно пора сходить за водой к источнику, неужто ей, мамаше Хердис, придется топить снег, она что же, думает, будто все станет делать мамаша Хердис, и за домом смотреть, и скотину обихаживать, и стряпать, да разве им трудно было бы переделать все, что положено, если б Алида не норовила завсегда, ну то есть постоянно, бездельничать, сидеть сложа руки, не-ет, этак не пойдет, пора ей образумиться, поглядеть на сестру, на Улину, вон как она-то поспособляет, изо всех сил старается, две сестры, а какие разные, и внешностью, и вообще, вот ведь как бывает, одна в отца пошла, другая – в мать, одна светлая, как мать, другая темная, как отец, так уж вышло, и ничего тут не поделаешь да, поди, и не изменишь, сказала мамаша Хердис, и помощи здесь, видать, не дождешься, мать так и будет попрекать ее да бранить, она же плохая, а сестра Улина хорошая, она – черная, а сестра Улина – белая, и Алида потягивается на кровати, что ж, как бы то ни было, придется им уехать отсюда, а ей ведь со дня на день родить, Сарай, конечно, место не больно хорошее, но какая-никакая крыша над головой, и, чтобы там жить, спрашивать позволения не требовалось, а теперь вот деваться некуда и средств у них нету, ничегошеньки нету, кроме нескольких банковских билетов у нее да маленько, поди, и у Асле, но это все равно сущая малость, почитай что ничего, ну да уж как-нибудь они справятся, она уверена, непременно справятся, только бы Асле поскорее вернулся, потому как история с лодкой, даже подумать страшно, будь что будет, и Алида слышит, как мамаша Хердис говорит, что она такая же черная и некрасивая, как отец, и такая же лентяйка, вечно без дела болтается, говорит мамаша Хердис, что же дальше-то будет, хорошо хоть есть сестра Улина, ей и отойдет усадьба, ведь от Алиды проку нет, она все до запустения доведет, слышит она голос мамы Хердис, а потом сестра Улина говорит, что очень даже хорошо, что усадьба ей достанется, прекрасная усадьба у них тут в Пустоши, так говорит Улина, а дальше Алида слышит, как мамаша Хердис говорит, мол, ума не приложу, что с Алидой-то станется, и Алида говорит, что незачем ей об этом беспокоиться, она и сама не беспокоится, Алида выходит из дома и идет к Пригорку, где они с Асле обычно встречались, а подойдя ближе, видит, что там сидит Асле, бледный, смотреть страшно, видит, что черные его глаза полны слез, и понимает: что-то случилось; Асле смотрит на нее и говорит, что мамаша Силья умерла и теперь у него, кроме Алиды, никогошеньки нет, потом он ложится на спину, Алида подходит и

ложится рядом, он обнимает ее, прижимает к себе и говорит, что нынче рано утром нашел мамашу Силью мертвой, она лежала в кровати и ее большие голубые глаза заполняли все лицо, говорит он и прижимает Алиду к себе, пока оба они не сливаются в одно, только ветер в деревьях тихонько шелестит, а они забывают обо всем, о стыде, о смерти, о разговорах, о мыслях, просто лежат на Пригорке, потом, устыдившись, садятся, смотрят с Пригорка

на море

Подумать только, сделать такое в тот день, когда умерла мамаша Силье, говорит Асле

Н-да, говорит Алида

и Асле с Алидой встают и стоят там, приводят в порядок одежду, стоят и смотрят на западные острова, в сторону Большого Камня

Ты о папаше Сигвалде думаешь, говорит Алида

Да, отвечает Асле

и поднимает руку, стоит и держит ее на ветру

Но у тебя есть я, говорит Алида

А у тебя - я, говорит Асле

и начинает махать рукой туда-сюда, машет и машет

Родителям машешь, говорит Алида

Да, говорит Асле

Ты ведь тоже видишь, говорит он

Ну, что они здесь, говорит он

Сейчас они оба здесь, говорит он

и опускает руку, тянется к Алиде и гладит ее подбородок, потом берет за руку, и вот так оба стоят

Но ты вот подумай, говорит Алида

Да, говорит Асле

Об этом подумай, говорит Алида

и кладет ладонь себе на живот

А правда, говорит Асле

и они улыбаются друг другу и рука об руку идут вниз к Пустоши, а потом Алида видит Асле, он стоит посреди чердака, волосы мокрые, на лице боль, и вид у него усталый и измученный

Где ты был, говорит Алида

Да так, нигде, говорит Асле

Но ты совсем мокрый и озябший, говорит она

и добавляет, что Асле надо бы лечь, а он все стоит

Не стой ты там, говорит она

а он все стоит и стоит

Что случилось, говорит она

и он отвечает, что им надо уходить, лодка готова

Но разве ты не хочешь немного поспать, говорит Алида

Мы же застрянем тут, говорит он

Немножко, тебе нужно немножко отдохнуть, говорит она

Недолго, совсем немножко, говорит она

Ты устала, говорит Асле

Да, отвечает Алида

Ты спала, говорит он

Кажись, говорит она

а он все стоит на полу, под скошенным потолком

Иди сюда, говорит она

и протягивает к нему руки

Скоро нам уезжать, говорит он

Но куда, говорит она

В Бьёргвин, отвечает он

А как, говорит она

Под парусами, говорит он

Тогда нам нужна лодка, говорит она

С лодкой я все устроил, говорит Асле

Только сперва отдохни немножко, говорит она

Ладно, немножко, говорит он

Тогда и одежда пускай чуток подсохнет, говорит он

и Асле раздевается, расстилавает одежду на полу, а Алида откидывает шерстяное одеяло, и Асле ложится с ней рядом в постель, и она чувствует, как он озяб и вымок, и спрашивает его, все ли в порядке, и он отвечает, что да, все уладилось, и спрашивает, спала ли она, а она отвечает, что, кажись, да, а он говорит, что теперь можно немного отдохнуть и что им надо прихватить отсюда провизию, сколько сумеют унести, а вдобавок, может, немного денег, коли удастся найти, а потом они сядут в лодку и уплывут еще до рассвета, и она говорит, да, ему виднее, так они и сделают, и они лежат на кровати, и видится ей, что Асле сидит со скрипкой, а она стоит и слушает песню из своего прошлого, слушает песню из своего будущего, слышит, как поет папаша Аслак, и знает, что все предрешено и так все и будет, она кладет ладонь себе на живот, а ребенок толкается, и она берет руку Асле и кладет себе на живот, а мальчонка опять толкается, потом она слышит, как Асле говорит: нет, им надо отплыть сейчас, затемно, так лучше всего, говорит он, а он до того устал, говорит он, что если сейчас заснет, то крепко и надолго, только ведь ему нельзя, им надо встать и добраться до лодки, говорит Асле и садится на постели

А нельзя нам просто немножко полежать, говорит Алида

Ты полежи, говорит Асле

и встает на пол, и Алида спрашивает, не зажечь ли свечу, а он отвечает, что ни к чему это, и начинает одеваться, Алида спрашивает, высохла ли одежда; нет, отвечает он, не высохла, но все же не такая мокрая, говорит он, одевается, а Алида садится в постели

Ну, пора в Бьёргвин, говорит он

Будем жить в Бьёргвине, говорит Алида

Да, будем, говорит Асле

и Алида встает с постели, зажигает свечу, и только теперь видит, какой взбудораженный и загнанный вид у Асле, и тоже начинает одеваться

А где же мы будем там жить, говорит она

Найдем где-нибудь дом, говорит он

Наверняка, говорит он

В Бьёргвине так много домов, так много всего, наверняка найдем что-нибудь, говорит он

А коли в Бьёргвине не найдется для нас каморки, то я уж и не знаю, говорит Асле

и он подхватил оба узла, перебросил через плечо, взял футляр со скрипкой, а Алида взяла свечу, и вот она открывает дверь и первая тихонько спускается по лестнице, а он тихонько идет следом

Я возьму немного провизии, говорит Алида

Ладно, говорит Асле

Подожду во дворе, говорит он

и Асле выходит в сени, Алида же заходит в кладовую, достает две сетки, складывает в них копчености, и лепешки, и масло, потом выходит в сени, открывает дверь и видит Асле: он стоит во дворе, и она протягивает ему сетки, а он подходит и забирает их у нее

Но что скажет твоя мамаша, говорит он

Пускай говорит что хочет, говорит Алида

Да, но... – говорит он

Алида опять идет в сени, потом на кухню, она точно знает, где у матери припрятаны деньги – в шкафу, на самой верхней полке, в шкатулке, Алида приносит табуретку, ставит возле шкафа, влезает на табуретку, открывает шкаф, нащупывает в глубине шкатулку, вытаскивает ее, открывает и забирает бумажные купюры, которые там лежат, прячет шкатулку в шкаф, закрывает дверцу и стоит на табуретке с деньгами в руке, как вдруг отворяется дверь в горницу, и она видит лицо мамыши Хердис при свете свечи, которую мать держит перед собой

Что ты здесь делаешь, говорит мамаша

Хердис

Алида так и стоит на табуретке, потом слезает на пол

Что у тебя в руке, говорит мамаша Хердис

Ну? – говорит она

и добавляет: Нет, нельзя тебе доверять

Вон до чего дошло, воруешь, говорит она

Ну, я тебе покажу, говорит она

Такая же шушваль, говорит она

Да еще и шлюха, говорит она

Глянь на себя, говорит она

Дай сюда деньги, говорит она

Сию минуту дай сюда деньги, говорит она

Ах ты, шлюха, говорит мамаша Хердис

и хватает Алиду за руку

Пусти меня, говорит Алида

Отдай деньги, говорит мамаша Хердис

Отдай, шлюха этакая говорит она

И не подумаю, говорит Алида

Красть у родной матери, говорит мамаша Хердис

а Алида свободной рукой колотит мамашу

Хердис

Родную мать бьешь, говорит мамаша

Хердис

Да ты еще хуже своего отца, говорит она

Никто не смеет меня бить, говорит она

и мамаша Хердис хватает Алиду за волосы и дергает, Алида кричит, тоже хватает мамашу Хердис за волосы и дергает, тут в дверях появляется Асле, хватает руку мамыши Хердис, разжимает, стоит и крепко ее держит

Уходи, говорит Асле

Я на улицу выйду, говорит Алида

Да, иди, говорит он

Бери деньги, ступай на улицу и жди там, говорит Асле

и Алида, зажав в кулаке купюры, выходит во двор, становится подле узлов и сеток, холодно, небо в звездах, светит луна, но ничего не слышать, потом она видит, как Асле выходит из дома, идет к ней, она протягивает ему деньги, он берет их, сворачивает, сует в карман, Алида берет в каждую руку по сетке, Асле вскидывает на плечо узлы с пожитками, берет футляр со скрипкой и говорит, что теперь надо уходить, и они спускаются от Пустоши к берегу, оба не говорят ни слова, а кругом ясная ночь с мерцающими звездами и сияющей луной, и они идут вниз от Пустоши, а внизу – Сарай, и там зачалена лодка

Нам можно взять лодку, говорит Алида

Можно, говорит Асле

Только ведь, говорит Алида

Мы можем спокойно взять лодку, говорит Асле

Можем взять лодку и плыть в Бьёргвин, говорит он

Тебе нечего бояться, говорит он

и Алида с Асле спускаются к лодке, и он вытаскивает ее на берег, складывает туда узлы, и сетки, и футляр со скрипкой, Алида забирается в лодку, Асле же отвязывает канат, отгребают от берега, говорит, что погода хоть куда, луна светит, звезды сверкают, холодно и ясно, ветер добрый, в самый раз, чтобы спокойно идти под парусом на юг, говорит он, можно плыть в Бьёргвин, и это замечательно, говорит он, и Алида не станет спрашивать, знает ли он, куда править, Асле же говорит, что хорошо помнит, как они с папашей Сигвалдом плавали в Бьёргвин, так что примерно знает, куда править, говорит он, а Алида, сидя на банке, видит, как Асле сушит весла, поднимает парус и садится к рулю, и вот уж лодка скользит в море, прочь от берега, от Дюльги, Алида оборачивается и видит – ведь эта ночь поздней осени такая светлая, – видит дом на Пустоши, и выглядит он вовсе негодящим, еще она видит Пригорок, где они с Асле обычно встречались и где она затяжелела, забеременела ребенком, который вот-вот родится, здесь их место, здесь ее дом, Алида видит Сарай, где прожила вместе с Асле несколько месяцев, потом лодка огибает мыс, и теперь она видит горы, острова да шхеры, а лодка потихоньку скользит

вперед

Легла бы и поспала, говорит Асле

А можно? – спрашивает Алида

Само собой, говорит Асле

Завернись хорошенько в одеяла и приляг на носу, говорит он

и Алида развязывает один из узлов, достает все четыре одеяла, какие у них есть, перебирается на нос, хорошенько укутывается и лежит, слушая, как море плещет о лодку, и легонько покачиваясь на волнах, ей так тепло и уютно лежать здесь в этот холодный вечер, она глядит на ясные звезды, на круглую сияющую

луну

Ну вот, начинается жизнь, говорит она

Мы плывем в жизнь, говорит он

Вряд ли мне стоит спать, говорит она

А ты просто полежи и отдохни, говорит он

Здесь так хорошо лежать, говорит она

Вот и хорошо, что тебе хорошо, говорит он

Да, нам хорошо, говорит она

и слышит, как приходят-уходят волны, а луна сияет и ночь – словно дивный день, и лодка все плывет, на юг, вдоль побережья

Устал, поди, говорит она

Нет, сна ни в одном глазу, говорит он

а она видит перед собой мамашу Хердис, как та стоит да обзывает ее шлюхой, потом видит, как однажды вечером на Рождество мамаша Хердис входит в горницу с миской бараньих ребрышек, счастливая, красивая, добрая, без тяжелой боли, которая так часто ее мучила, а теперь вот она, Алида, ушла, даже не попрощалась ни с мамашей Хердис, ни с сестрой Улиной, просто забрала с собой провизию, сколько могла унести, сложила в две сетки, и деньги забрала, какие нашлись в доме, а потом ушла и никогда больше, никогда не увидит мамашу Хердис, это она точно знает, и дом в Пустоши наверняка видела в последний раз, и Дюльгю никогда больше не увидит, если б не уехала вот так, то пошла бы к мамаше Хердис и сказала, что никогда больше не станет ей в тягость, ни сейчас, ни позднее в жизни, уезжает она, кончено все меж ними, вот как она бы сказала, никогда больше не станут они мучить друг дружку, никогда больше не увидит она мамашу Хердис, как никогда больше не видела папашу Аслака, с тех пор как он пропал, она уезжает, чтобы никогда не вернуться, а коли бы мамаша Хердис спросила, куда они собрались, Алида бы ответила, что ей об этом и знать незачем, а мамаша Хердис сказала бы, что все равно хочет дать ей с собой немного провизии, и собрала бы харчей на дорогу, а после достала бы шкатулку, дала ей немного денег и сказала, что не хочет этак вот отпускать от себя дочь без денег да без харчей в широкий мир, ведь она, чай, никогда больше не увидит мамашу Хердис, и Алида открывает глаза и видит, что звезды пропали и ночь миновала, садится и видит Асле у руля

Проснулась, говорит он

Вот и хорошо, говорит он

И доброго тебе утра, говорит он

И тебе доброго утра, говорит она

Хорошо, что ты проснулась, мы вот-вот

войдем в залив Воген в Бьёргвине, говорит он

и Алида поднимается, садится на банку, смотрит на юг

Вот-вот будем там, говорит Асле

Там, впереди, смотри, говорит он

Пройдем этот фьорд, обогнем мыс и аккурат окажемся в Бюфьорде, говорит он

А из Бюфьорда попадем напрямиком в Воген, говорит он

Алида видит только лесистые склоны по обоим берегам фьорда, но домов там нет, ни одного, они идут к Бьёргвину под парусом, и вдруг ветер стихает, лодка замирает на месте, дрейфует по течению, что ж, покамест можно перекусить, они едят вяленое мясо с лепешками, запивают водой, потом снова поднимается попутный ветерок, крепчает, и после полудня они под парусом добираются до Вогена, причаливают к Пристани, к Брюггену; сойдя на берег, Асле первым делом поспрошал, не знает ли кто покупателя на его лодку, большого интереса никто не выказал, но, когда он раз и другой сбавил цену, лодку купили, за несколько банковских билетов. Денег маленько прибавилось. Асле с Алидой стояли на Брюггене со своими двумя узлами, двумя сетками, скрипичным футляром и скрипкой папаши Сигвалда да кой-какими деньжатами. И отправились они в дорогу; куда идти, не так уж и важно, сказал Асле, надобно просто побродить по городу, осмотреться, он, конечно, не первый раз в Бьёргвине, но не сказать, чтобы хорошо здесь ориентировался, сказал он, Бьёргвин впрямь большой город, один из самых больших, может, вообще самый большой в Норвегии, сказал он, а Алида сказала, что она-то никогда дальше Торсвика не бывала, для нее и Торсвик был большим, ну а здесь, в этом большом городе, в Бьёргвине с его домами и народом, она в одиночку и вовсе потеряется, этот город можно узнать разве что за год, сказала Алида, но здесь ужас как интересно, столько всего увидишь, каждую минуту столько всего происходит, сказала она, и Асле с Алидой зашагали по Брюггену – высокие дома, а перед ними у берега зачалена уйма лодок, всевозможных лодок, и четырехвесельных, и одномачтовых ектов, и прочих, какие только есть на свете

А вон там, дальше, площадь, Торг, сказал Асле

Торг, повторила Алида

Ты что же, не слыхала про бьёргвинский Торг, сказал он

Пожалуй, слыхала, если хорошенько подумать, сказала Алида

Там приезжие хуторяне вроде нас с тобой продают свои товары, сказал Асле

Вон как, сказала Алида

Приплывают на своих лодках, привозят рыбу, мясо, зелень, овощи и всякие другие товары на продажу и торгуют там, на Торге, сказал Асле

Но с Дюльги тут, поди, никого нету, говорит Алида

Иной раз и оттуда приезжают, говорит Асле

и показывает рукой – там, за лодочным причалом, расположен Торг, там, видишь, где народ и торговые лавки, там и есть Торг, говорит он, а Алида говорит, что в эту толчею им, верно, идти не стоит, не лучше ли перейти на другую сторону улицы, там народу поменьше и пройти легче, говорит она, и они переходят улицу и видят на склоне множество домов, так что, наверно, не мешает поспросить там насчет жилья, говорит Асле, домов-то вон сколько, глядишь, и для них приют найдется, говорит он

И вообще, говорит Асле

Ну да, говорит Алида

Потом я пойду поспрошаю о работе, ведь нам нужен заработок, говорит он

Пойдешь искать работу, говорит Алида

Да, говорит Асле

Где, говорит Алида

На Торг пойду или на Брюгген, там и поспрошаю, отвечает Асле

Глядишь, там и трактирчик найдется, где я смогу играть, говорит он

Алида молчит, и они сворачивают на улицу меж ближайших домов, и Алида говорит, что, поди, нельзя стучать в первый попавшийся дом, а Асле говорит, что очень даже можно, оба останавливаются, и Асле стучится в дверь, на порог выходит старая женщина, смотрит на них, потом говорит: ну? – и Асле спрашивает, не сдаются ли в доме комнаты, старуха повторяет: не сдаются ли комнаты, а потом добавляет, что спрашивать, сдаются ли комнаты, им можно там, откуда они явились, а не здесь, не в Бьёргвине, здесь приезжие не требуются, говорит она и захлопывает дверь, и они слышат, как она, ковыляя вглубь дома, твердит: не сдаются ли комнаты, не сдаются ли комнаты, не сдаются ли комнаты, не сдаются ли комнаты, Асле и Алида переглядываются и смеются, потом переходят на другую сторону улицы и стучатся там в какой-то дом, немного погодя выходит девица, в замешательстве смотрит на них, а когда Асле спрашивает, не сдаются ли тут комнаты, хихикает и отвечает, что для него-то комната завсегда найдется, а вот с ней, говорит она и кивает на Алиду, будет похуже, кабы она приехала на несколько месяцев раньше, и для нее бы нашлась комната, но сейчас, в таком положении, дело плохо, говорит Девица, прислоняется к дверному косяку и глядит на Асле

Так ты зайдешь или нет, говорит Девица

Я же не могу здесь торчать, говорит она

Ну, отвечай, говорит она

Алида смотрит на Асле, тербит его за рукав

Пойдем отсюда, говорит Алида

Да, говорит Асле

Ну так ступайте, говорит Девица

Пойдем, говорит Алида

и легонько тянет Асле за рукав, а Девица громко хохочет, уходит в дом и закрывает дверь, и слышно, как она говорит, нет, виданное ли дело – красавец-парень и этакая пигалица, а кто-то отвечает, этак часто бывает, обычная

история, говорит кто-то, а другой говорит, так всегда бывает, всегда, а Алида и Асле опять идут по улице, дальше, в самую гущу домов

Дурная девка, говорит Алида

Да, говорит Асле

и они идут дальше, останавливаются перед дверью еще одного дома, стучатся, но, куда бы ни стучались и кто бы ни открывал, приюта ни у кого нет, нет у них места, ничего они не сдают, хозяйка отлучилась из дома, говорят им всюду, причины всегда находятся, а результат один – нет для них пристанища; и Асле с Алидой опять идут меж домами, дома в большинстве маленькие, теснятся один к другому, и меж ними вьется узкая улочка, местами среди домов попадаетесь улица пошире, а где они находятся и куда идут, ни Асле, ни Алида не ведают, и что в Бьёргвине будет так трудно найти кров, приют от холода и темноты, н-да, это им даже в голову не приходило, но всю вторую половину дня и весь вечер Асле и Алида бродили по улицам Бьёргвина, стучались то в одну дверь, то в другую, всюду спрашивали про жилье, и в ответ слышали разное, хотя, в сущности, всегда одно и то же: нет, не сдаться у них комнаты, все уже сдано, вот так им отвечали; долго, очень долго Асле с Алидой ходили по улицам Бьёргвина и теперь останавливаются, стоят спокойно, и Асле смотрит на Алиду, на ее длинные густые черные волнистые волосы, на черные печальные глаза

Я очень устала, говорит Алида

и Асле видит, что его милая и любимая выглядит такой усталой, а беременной женщине, которой скоро родить, вредно этак уставать, как сейчас, поди, устала Алида, да, не иначе как вредно

Может, нам присесть где-нибудь ненадолго, говорит Алида

Ясное дело, можно и присесть, говорит

Асле

и они бредут дальше, начинается дождь, а они знай бредут дальше, но идти под дождем да мокнуть – этак и озябнуть недолго, стемнело уже, захолодало, на

дворе-то поздняя осень, а им негде укрыться от дождя, и холода, и темноты, хорошо бы сыскалось хоть какое местечко, где можно присесть, в тепле, под крышей, ах, вот было бы замечательно

Устала я, говорит Алида

Вдобавок дождь, говорит она

Во всяком случае, нам надо хотя бы от дождя схорониться, говорит Асле

Нельзя ходить под дождем да мокнуть, говорит он

Нельзя, говорит Алида

и она подхватывает сетки и бредет дальше под дождем

Озябла, говорит Асле

Да, промокла и озябла, отвечает Алида

и они останавливаются, стоят под дождем посреди улицы, потом отходят к стене, под свес кровли, стоят там, жмутся поближе к

стене

Что будем делать, говорит Алида

Нужно все-таки найти ночлег, говорит она

Да, говорит Асле

Мы уже стучались в десятка два дверей, не меньше, и спрашивали насчет пристанища, говорит Алида

Наверняка больше, говорит Асле

И никто не хочет пустить нас к себе, говорит она

Да, не хочет, говорит он

На улице не заночуешь, слишком холодно, а мы насквозь вымокли, говорит она

Да, говорит он

и они долго стоят, не говоря ни слова, а дождь льет не переставая, холод, темень, и на улице никого уже не видать, засветло-то народу на улицах было много, всякого-разного народу, и молодых, и стариков, однако сейчас все, знамо дело, сидят по домам, где светло и тепло, ведь с неба льет дождь, лужами растекается вокруг, и Алида поставила наземь свои сетки, села на корточки, подбородок упал на грудь, глаза закрылись, Алида сидит и спит, Асле тоже устал, очень устал, ведь так много времени минуло с тех пор, как они лежали без сна в доме мамы Хердис, в Пустоши, а потом встали, спустились к лодке и под парусом отправились на юг, в Бьёргвин, в дальнюю дорогу до Бьёргвина, но плавание прошло удачно, почти всю ночь дул попутный ветер, только утром он стих, и они попали в штиль, пришлось дрейфовать, и от усталости Асле впору уснуть прямо так, стоя, но ведь нельзя, нельзя ему сейчас спать, однако ж глаза закрываются, и он видит, что море нынче спокойное и блещет синевой, а в заливе легонько покачивается на волнах зачаленная лодка, и склоны вокруг Сарая зеленые, и он сидит на скамейке, в руках у него скрипка, и он прижимает скрипку к плечу и играет, а сверху, из Пустоши, прибегает Алида, и его игра и ее движения словно бы сливаются с ясным зеленым днем, и игра его полнится таким огромным счастьем единения со всем, что растет и дышит, и он чувствует, как любовь к Алиде захлестывает его, как эта любовь изливается в его музыку, изливается во все, что растет и дышит, а Алида подходит к нему, садится рядом на скамейку, он же продолжает играть, и Алида кладет руку ему на бедро, а он все играет, играет, и музыка у него высокая, как небо, и раздольная, как небо, ведь вчера они познакомились, Алида и Асле, и уговорились, что она придет сюда, к нему, но пока что они только разговаривали, вчера впервые разговаривали друг с другом, но видели и чувствовали, что их влечет друг к другу, так было с той поры, как они выросли и вошли в тот возраст, когда парни присматривают себе девушек, а девушки – парней, в первый же раз, как увидели друг друга, они заглянули друг другу в душу, и оба знали об этом, без слов, а вчера вечером впервые поговорили друг с другом и познакомились, ведь вчера вечером Асле пришел с отцом, с Сигвалдом, тот играл на свадьбе у хозяина Лейте, где играл и тем вечером и той ночью, когда повстречал мамашу Силью,

тогда женился сам хозяин Лейте, а вчера он отдавал замуж свою дочь, и, узнав, что папаша Сигвалд будет играть на этой свадьбе, Асле спросил, нельзя ли ему тоже пойти

Отчего же, можно, сказал папаша Сигвалд

С чего бы мне возражать, сказал он

Чему быть, того не миновать, ты ведь тоже станешь музыкантом, сказал он

и еще папаша Сигвалд говорил, что, раз уж он музыкант и останется музыкантом, так тому и быть, он ведь изрядно наторел в игре и, коли говорить о самой игре, может считаться зрелым музыкантом, а музыкант музыкантом и останется, ничего тут не поделаешь, он сам стал музыкантом, вот и сын тоже, и дивиться тут почитай что нечему, ведь и отец его, старый Асле, и дед, старый Сигвалд, в свое время опять же были музыкантами, должно, на роду им написано быть музыкантами, хотя быть музыкантом предполагает природный талант, да, пожалуй, без таланта не обойтись, сказал папаша Сигвалд, но раз ты музыкант, то, значит, музыкант, перво-наперво, и ничего с этим не поделаешь, так он считает, говорил папаша Сигвалд, а на вопрос, с чем это связано, отвечал, что, наверно, это как-то связано с печалью, печалью о чем-то или вообще с печалью, а в музыке печаль легчает, становится полетом, полет же может обернуться радостью и счастьем, потому-то и надобно играть, потому-то он и играет, и у кого-то частица этой печали по-прежнему жива, и оттого многим нравится слушать музыку, так-то вот, ведь музыка возвышает бытие, возносит его к небу, и без музыки ни поминки нельзя устраивать, ни свадьбу справлять, ни просто собираться, чтобы потанцевать-погулять, так или иначе, те, кто наделен талантом музыканта, нужны людям, он не может сказать почему, понятно, что не может, да и особого ума-разума он пожалуй что никогда не имел, но вполне хорошим музыкантом был, мальчишкой, в годах Асле, вот и Асле, хоть и молод совсем, а уже вполне хороший музыкант, они во многом очень похожи, он и Асле, говорил папаша Сигвалд, и как сам он тогда, в годах Асле, ходил со своим отцом, когда тот, дед Асле, играл на свадьбах, так теперь и Асле будет ходить с ним, с отцом, и учиться, а к концу лета отправится вместе с отцом, когда тот будет играть просто на танцах и на поминках, как сам он ходил со своим отцом на свадьбы, на поминки, на танцы, а вот по душе ли ему такое, по душе ли, что сын тоже станет музыкантом, это совсем другой разговор, только никто про это и не спрашивал, раньше судьбой музыкантов не интересовались, но тот, кто хозяйством не владеет, должен стараться обойтись

дарами, какие ему дал Господь, так-то вот, такова жизнь

Нынче вечером попробуешь себя как музыкант, сказал папаша Сигвалд

и добавил, что они могут вместе пойти на свадьбу, там он немного поиграет, а потом скрипку возьмет Асле и сыграет один или два танца, так он сказал

Я буду играть, пока народ не разгуляется как следует, а потом скрипку возьмешь ты, сказал он

и вот папаша Сигвалд и Асле принарядились, мамаша Силья дала им с собой харчей и наказала вести себя хорошо, не пить чересчур много и не озорничать, так она сказала, и папаша Сигвалд зашагал со скрипкой в руке, а рядом шел Асле, и когда они прошли изрядную часть пути и уже приближались к Лейте, папаша сел, достал скрипку, настроил ее и маленько поиграл, потом достал из футляра бутылку, отхлебнул добрый глоток и опять маленько поиграл, осторожно, как бы на пробу, затем папаша Сигвалд протянул бутылку Асле, глотни, мол, и Асле глотнул, а отец протянул ему скрипку и сказал, что теперь и ему тоже надобно маленько разогреть и себя, и скрипку, музыка всегда лучше всего, когда прежде этак вот потихоньку разогреешься да поднимешься, воспаришь от почти полной ничтожности ввысь, от ничтожного к огромному, сказал он, и Асле сидел и пробовал подняться от почти полной ничтожности ввысь, заиграл поначалу медленно и тихо, как только мог, и постепенно музыка его набирала силу, взлетала

Вот так, сказал папаша Сигвалд

Ты уже поистине мастер в игре, сказал он

Играешь так, будто всегда только этим и занимался, сказал он

Сигвалд еще раз отхлебнул из бутылки добрый глоток, и Асле протянул ему скрипку, а папаша Сигвалд протянул Асле бутылку, и Асле тоже сделал глоток, так они и сидели, не говоря ни слова

Горестна судьба музыканта, сказал папаша Сигвалд

Всегда, всегда уходить прочь, сказал он

Н-да, сказал Асле

Уходить прочь, от своих любимых и от себя самого, сказал папаша Сигвалд

Всегда отдавать себя другим, сказал он

Всегда, сказал он

Никогда самому не быть цельным, сказал он

Всегда стараться сделать других цельными, сказал он

а потом сказал папаша Сигвалд, что вся его жизнь теперь в любви к мамаше Силье и к Асле и потому будет он разъезжать по округе да играть, а чем еще он мог бы заняться, чем еще владеет, да ничем, ничегошеньки у него нет, только скрипка, да он сам, да эта окаянная музыкантская судьба, вот как сказал папаша Сигвалд, поднялся на ноги и сказал, что пора им идти в усадьбу Лейте, исполнить то, что им назначено и за что платят деньги, и добавил, что Асле надо просто не отлучаться из усадьбы, а делать он может что угодно, но позже, вечером, когда танцы будут в разгаре, ему надо войти и стать так, чтобы он, Сигвалд, его видел, тогда он знаком подзовет сына к себе, а сам сделает перерыв, и за скрипку возьмет Асле

Сыграешь один танец-слотт или два, сказал папаша Сигвалд

И тоже побудешь музыкантом, сказал он

Вот этак и дед твой, в честь которого тебя назвали, начинал как музыкант, говорит он

А теперь и ты этак начнешь, говорит он

и Асле слышит что-то странное в отцовом голосе, смотрит на него и видит, что тот стоит выпрямившись, а в глазах у него слезы, и Асле видит, как слезы бегут по щекам папаши Сигвалда, а челюсти у него сжимаются, он подносит руку к

глазам и тыльной стороной смахивает слезы

Ну, пойдём, говорит папаша Сигвалд

и Асле, глядя в спину папаши Сигвалда, который зашагал прочь, заметил, что в длинных волосах, перехваченных на затылке шнурком, прежде черных, таких же черных, как у Асле, теперь много седины, да и сами волосы поредели, и ступает папаша Сигвалд тяжело, он ведь уже немолод, хотя и не стар, и тут слышится чей-то голос: мол, им нельзя здесь находиться, Асле открывает глаза и видит перед собой высокую черную шляпу и бородатое лицо, перед ними стоит мужчина с длинной тростью в одной руке и факелом в другой, и факел он держит у лица Асле и смотрит ему прямо в лицо

Нельзя тебе стоять тут и спать, говорит Мужчина

Нельзя вам тут спать, повторяет Мужчина

и Асле видит, что на нем длинная черная шинель

Уходите, говорит Мужчина

Ладно, говорит Асле

Только идти нам некуда, говорит он

У вас нет жилья, говорит Мужчина

Верно, говорит Асле

Тогда придется мне забрать вас с собой и посадить под арест, говорит Мужчина

Разве мы сделали что-то дурное, говорит Асле

Пока нет, говорит Мужчина

и тихонько посмеивается и опускает факел

Сейчас ведь не лето, говорит Мужчина

Поздняя осень на дворе, темная, холодная да промозглая, говорит он

Но где нам найти приют, говорит Асле

Ты у меня спрашиваешь, говорит Мужчина

Да, говорит Асле

В Бьёргвине много постоянных дворов и ночлежных домов, говорит Мужчина

Здесь, на одной только Инстегате, их несколько, говорит он

Постоянных дворов и ночлежных домов, говорит Асле

Да, говорит Мужчина

И мы можем найти там приют, говорит

Асле

Ну да, говорит Мужчина

Где же они, говорит Асле

Один – вон там, маленько подальше, на той стороне улицы, говорит Мужчина

и показывает где

Там у дороги ночлежный дом, говорит он

Но вам, само собой, придется заплатить, говорит он

Ступайте туда, говорит он

и Мужчина уходит, Асле же глядит на Алиду, которая спит, сидя на корточках и опустив подбородок на грудь, нельзя им здесь оставаться, само собой, нельзя, на таком холоде, впотьмах, под дождем, поздней-то осенью, но, пожалуй, совсем немного, чуточку они еще могут отдохнуть, им это пойдет на пользу, ведь и Асле ох как устал, от усталости лег бы прямо тут и проспал целую неделю, и он тоже садится на корточки, кладет руку на волосы Алиды, а волосы у нее мокрые, он гладит ее по голове, погружает пальцы в ее волосы, закрывает глаза, и чувствует себя таким тяжелым, таким усталым, и видит папашу Сигвалда, тот сидит в лейтенантской горнице и играет, и длинные его волосы, черные с проседью, перехвачены на затылке шнурком, и папаша Сигвалд взмахивает смычком, завершая слотт, встает, отпивает глоточек из бутылки и глоточек из кружки, потом обводит взглядом горницу и видит Асле, и подзывает его к себе, и протягивает ему скрипку

Давай-ка теперь ты, Асле, говорит папаша Сигвалд

Так-то вот, говорит он

И тебе маленький глоточек не помешает, говорит он

и протягивает бутылку Асле, и Асле делает добрый глоток, потом еще один и возвращает бутылку папаше Сигвалду, а тот протягивает Асле кружку

И маленько пивка хлебни, говорит он

Музыканту надобно подкрепиться, говорит папаша Сигвалд

и Асле отпивает глоток пива и возвращает кружку папаше Сигвалду, потом садится на табурет, берет скрипку, проводит смычком по струнам, чуть подстраивает скрипку, кладет ее, как положено, на плечо и начинает играть, притом звучит совсем недурно, он продолжает играть, и народ пускается в пляс, а он знай играет-наяривает, не отступит, так и будет играть, усмирит топчущую печаль, облегчит ее, чтобы она легчала и развеивалась, пока не взлетит, не воспарит ввысь, невесомая, так оно и будет, и он играет, играет, и вот уж музыка взлетает и парит, да-да, парит, и ему уже незачем продолжать, ведь музыка улетает сама по себе и играет сама собою, и все, имеющие уши,

слышат, и Асле поднимает глаза и видит ее, вон она стоит, видит Алиду, видит ее черные густые волнистые волосы и черные глаза. И она тоже слышит. Слышит парение и сама парит. Стоит недвижимая и парит. И вот уже они оба парят, вместе парят, она и он. Алида и Асле. И он видит лицо папаша Сигвалда, тот улыбается, и в улыбке его сквозит счастье, и папаша Сигвалд подносит бутылку к губам и отпивает добрый глоток. И Асле не останавливает музыку. Алида – с ним. По ее глазам Асле видит, что Алида с ним. И Асле не останавливает парение. И пока все невесомо парит в воздухе, поднимает смычок, и парение ускользает в пустоту. И Асле встает, протягивает скрипку папаше Сигвалду, а тот обнимает Асле за плечи и прижимает к себе. И папаша Сигвалд стоит со скрипкой в руке и прижимает к себе Асле. А потом папаша Сигвалд встряхивает головой, кладет скрипку на плечо, притопывает ногой, задавая такт, и начинает играть. Асле же идет к Алиде, туда, где она стоит со своими длинными черными волосами и большими черными печальными глазами. А Алида идет к нему, Асле кладет руку ей на плечо, и они выходят на улицу, и оба не говорят ни слова, пока не выходят во двор, там они останавливаются, и Асле снимает руку с плеча Алиды

Ты Асле, говорит Алида

А ты Алида, говорит Асле

и оба опять умолкают

Раньше-то мы никогда не разговаривали, говорит Асле

Нет, говорит Алида

и так они стоят, опять молчком

Но я видела тебя раньше, говорит Алида

И я тебя тоже, говорит Асле

и опять они стоят молча

Ты так хорошо играл, говорит Алида

Спасибо тебе, говорит Асле

Я в прислугах тут, в Лейте, говорит Алида

И нынче подавала на свадьбе, но теперь начались танцы, и я свободна, говорит она

Мамаша моя тоже была тут прислугой, говорит Асле

Может, погуляем, говорит он

Давай, говорит Алида

Вон там, подальше, есть пригорок, откуда хорошо видно море, говорит она

Пойдем туда, говорит она

Да, давай, говорит Асле

и они бок о бок идут туда, Алида показывает рукой и говорит, что вон там Пригорок, откуда видать море, а когда стоишь на Пригорке, усадьбу Лейте и тамошние дома не видать, и это хорошо, говорит она

У тебя нет братьев-сестер, говорит Алида

Нет, отвечает Асле

А у меня есть сестра, Улина ее зовут, говорит Алида

Но мне сестра Улина не по душе, говорит она

А у тебя и отец есть, и мать, говорит она

Да, говорит Асле

У меня тоже были и мать, и отец, но потом отец ушел и сгинул, много лет назад, говорит Алида

Никто не знает, что с ним приключилось, говорит она

Н-да, говорит Асле

Он просто сгинул, говорит Алида

и они поднимаются на Пригорок, садятся там на большой плоский камень

Я тебе кое-что скажу, говорит Алида

Ладно, говорит Асле

Когда ты играл, говорит она

Да, говорит Асле

Когда ты играл, я слышала, как поет мой отец, говорит Алида

Когда я была маленькая, он всегда пел для меня, говорит она

И это единственное, что я помню о моем отце, об Аслаке, говорит она

Я помню его голос, говорит она

И голос его так похож на твою игру, говорит она

и придвигается поближе к Асле, и вот так оба сидят, не говоря ни слова

Ты правда Алида, говорит он

Алида, ну и что с того, говорит она

и легонько улыбается, а потом говорит, что ей было всего-то три года, когда отец, Аслак, ушел, чтобы никогда больше не вернуться, и память о его песнях – единственное ее воспоминание о нем, говорит она, однако ж непонятно почему, когда Асле играл, она услышала в его музыке голос Аслака, говорит Алида, кладет голову на плечо Асле и начинает плакать, обнимает Асле руками, жметя к нему, сидит и плачет, уткнувшись в плечо Асле, а он не знает, что сказать, что делать, куда девать руки, что делать с собой, и обнимает Алиду, привлекает ее к себе, вот так они сидят и чувствуют друг друга, чувствуют, что слышат одно и то же, чувствуют, что оба парят в воздухе, что они вместе в этом паренье, и Асле чувствует, что куда больше тревожится об Алиде, чем о себе самом, и желает ей всяческого добра, какое только есть на

свете

Завтра приходи в Сарай, говорит Асле

И я буду играть для тебя, говорит он

Мы сядем на скамейку возле Сарая, и я буду играть для тебя, говорит он

и Алида отвечает, что придет

А потом мы опять пойдем сюда, на наш Пригорок, говорит она

и Асле с Алидой поднимаются, стоят и смотрят вниз, потом смотрят друг на друга и не могут наглядеться, берутся за руки да так и стоят

А вон там море, говорит Алида

Так чудесно видеть море, говорит Асле

и они опять умолкают, и все договорено, и незачем говорить что-то еще, все уже сказано, все договорено

Ты играешь, а отец поет, говорит Алида

Асле вздрагивает, просыпается и смотрит на Алиду

Что ты сказала, говорит он

Алида просыпается и смотрит на Асле

Я что-то сказала, говорит она

Нет, наверно, нет, говорит Асле

Я не помню, говорит Алида

Ты озябла, говорит Асле

Немножко, говорит Алида

Нет, все-таки я ничего не сказала, говорит она

Я слышал, как ты что-то сказала про своего отца, но, пожалуй, мне просто приснилось, говорит Асле

Что-то про моего отца, говорит Алида

Наверняка мне снился сон, говорит она

Сон, говорит Асле

Да, говорит Алида

и Асле кладет руку ей на плечо

Было лето, говорит она

Было тепло, говорит она

И я слышала, как ты играешь, ты сидел на скамейке у Сарая и играл, и было так чудесно слушать, потом подошел отец, и он пел, а ты играл, говорит она

Надо вставать и идти, говорит Асле

Нельзя нам сидеть тут и спать, говорит он

Ты тоже спал, говорит она

Да, кажись, задремал маленько, говорит он

и Асле встает

Надо найти жилье, говорит он

Алида тоже встает, и немного погодя Асле поднимает узлы, закидывает на плечо

Надо идти, говорит он

Но куда, говорит она

Дальше тут есть, как они говорят, ночлежный дом, на другой стороне улицы, там мы наверняка найдем приют, говорит Асле

А улица эта зовется, кажись, Инстегате, говорит он

и Алида поднимает свои сетки, но с места не двигается, длинные черные волосы промокли, свисают ей на грудь, черные глаза блестят в темноте, так она и стоит со своим большим животом и спокойно смотрит на Асле, а он наклоняется, берет скрипичный футляр, и оба тихонько идут по улице в потемках, на холоду, поздней-то осенью, идут через улицу

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fosse_yun/trilogiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)